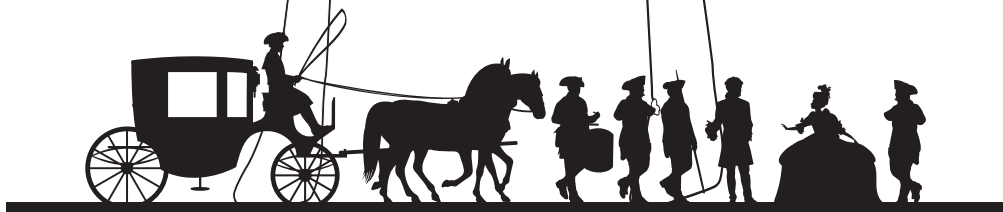

GULLIVER'S TRAVELS

ДЖОНАТАН
СВИФТ

JONATHAN
SWIFT

ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КНИГА НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА С ПЕРЕВОДОМ

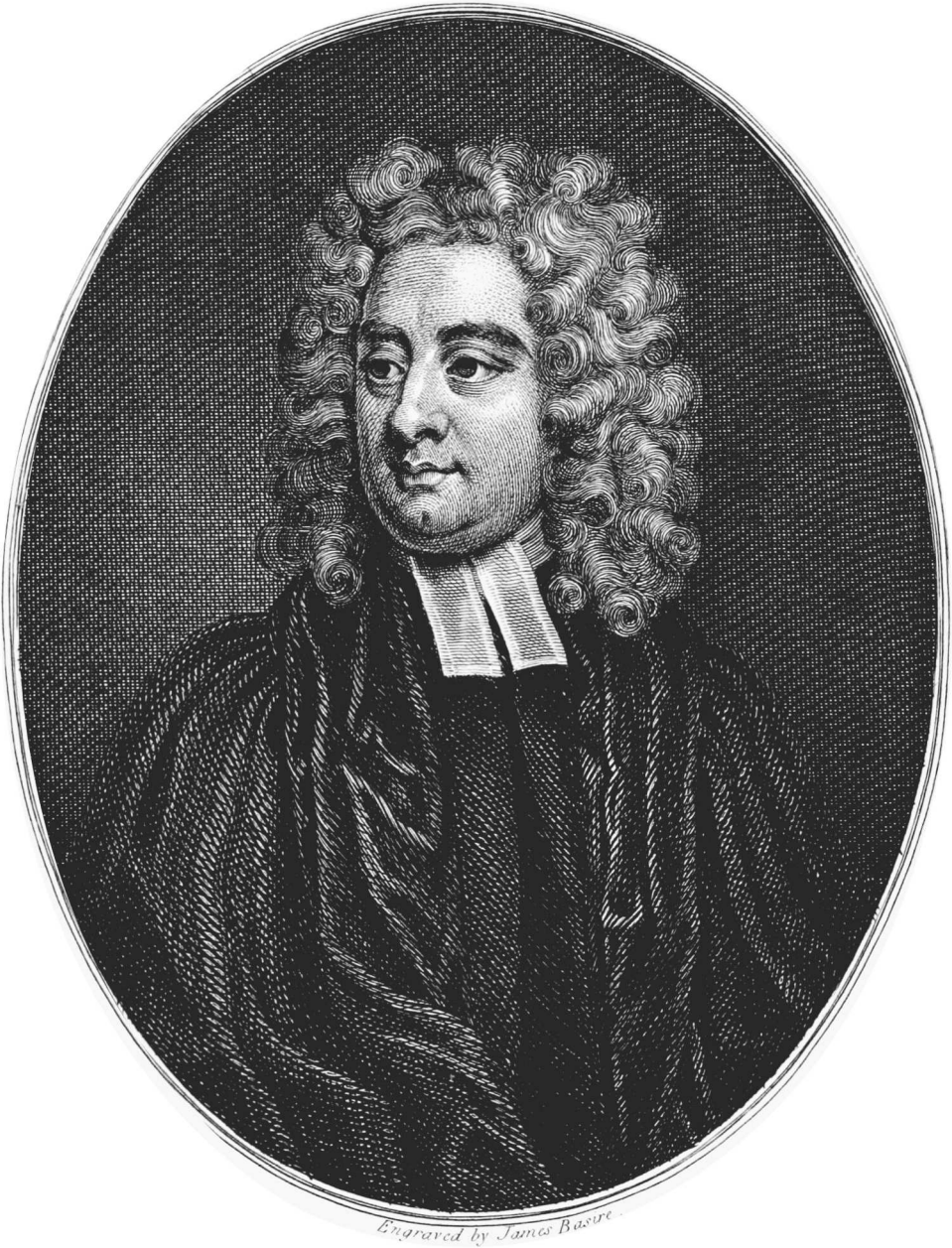
АНГЛИЙСКИЙ

BILINGUA

РУССКИЙ

Lingua

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Portrait of Jonathan Swift
Artist – James Basire
1800

The author of these Travels, Mr. Lemuel Gulliver, is my ancient and intimate friend; there is likewise some relation between us on the mother's side. About three years ago, Mr. Gulliver growing weary of the concourse of curious people coming to him at his house in Redriff, made a small purchase of land, with a convenient house, near Newark, in Nottinghamshire, his native country; where he now lives retired, yet in good esteem among his neighbours.

Although Mr. Gulliver was born in Nottinghamshire, where his father dwelt, yet I have heard him say his family came from Oxfordshire; to confirm which, I have observed in the churchyard at Banbury in that county, several tombs and monuments of the Gullivers.

Before he quitted Redriff, he left the custody of the following papers in my hands, with the liberty to dispose of them as I should think fit. I have carefully perused them three times. The style is very plain and simple; and the only fault I find is, that the author, after the manner of travellers, is a little too circumstantial. There is an air of truth apparent through the whole; and indeed the author was so distinguished for his veracity, that it became a sort of proverb among his neighbours at Redriff, when

Aвтор этих путешествий мистер Лемюэль Гулливер – мой старинный и близкий друг; он приходится мне также сродни по материнской линии. Около трех лет тому назад мистер Гулливер, которому надоело стечение любопытных к нему в Редриф, купил небольшой клочок земли с удобным домом близ Ньюарка в Ноттингемшире, на своей родине, где и проживает сейчас в уединении, но уважаемый своими соседями.

Хотя мистер Гулливер родился в Ноттингемшире, где жил его отец, однако слышал от него, что предки его были выходцами из Оксфордского графства. Чтобы удостовериться в этом, я осмотрел кладбище в Банбери в этом графстве и нашел в нем несколько могил и памятников Гулливеров.

Перед отъездом из Редрифа мистер Гулливер дал мне на сохранение нижеследующую рукопись, предоставив распорядиться ею по своему усмотрению. Я три раза внимательно прочел ее. Слог оказался очень гладким и простым; я нашел в нем только один недостаток: автор, следуя обычной манере путешественников, слишком уж обстоятелен. Все произведение, несомненно, дышит правдой, да и как могло быть иначе, если сам автор известен был такой правдивостью, что среди его соседей в Редрифе сложилась даже поговорка, ког-

any one affirmed a thing, to say, it was as true as if Mr. Gulliver had spoken it.

By the advice of several worthy persons, to whom, with the author's permission, I communicated these papers, I now venture to send them into the world, hoping they may be, at least for some time, a better entertainment to our young noblemen, than the common scribbles of politics and party.

This volume would have been at least twice as large, if I had not made bold to strike out innumerable passages relating to the winds and tides, as well as to the variations and bearings in the several voyages, together with the minute descriptions of the management of the ship in storms, in the style of sailors; likewise the account of longitudes and latitudes; wherein I have reason to apprehend, that Mr. Gulliver may be a little dissatisfied. But I was resolved to fit the work as much as possible to the general capacity of readers. However, if my own ignorance in sea affairs shall have led me to commit some mistakes, I alone am answerable for them. And if any traveller hath a curiosity to see the whole work at large, as it came from the hands of the author, I will be ready to gratify him.

As for any further particulars relating to the author, the reader will receive satisfaction from the first pages of the book.

RICHARD SYMPSON

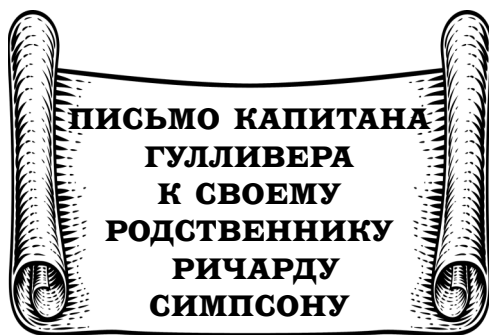
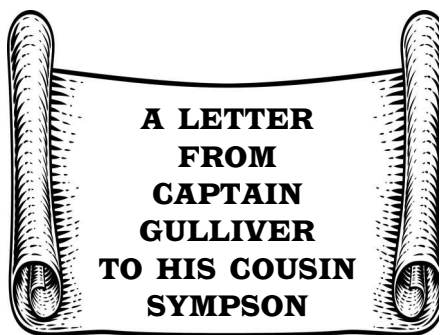
да случалось утверждать что-нибудь: это так же верно, как если бы это сказал мистер Гулливер.

По совету нескольких уважаемых лиц, которым я, с согласия автора, давал на просмотр эту рукопись, я решаюсь опубликовать ее, в надежде, что, по крайней мере, в продолжение некоторого времени, она будет служить для наших молодых дворян более занимательным развлечением, чем обычное бумагомарание политиков и партийных писак.

Эта книга вышла бы, по крайней мере, в два раза объемистее, если б я не взял на себя смелость выкинуть бесчисленное множество страниц, посвященных ветрам, приливам и отливам, склонениям магнитной стрелки и показаниям компаса в различных путешествиях, а также подробнейшему описанию на морском жаргоне маневров корабля во время бури. Точно так же я обошелся с долготами и широтами. Боюсь, что мистер Гулливер останется этим несколько недоволен; но я поставил своей целью сделать его сочинение как можно более доступным для широкого читателя. Если же благодаря моему невежеству в морском деле я сделал какие-либо промахи, то ответственность за них падает всецело на меня; впрочем, если найдется путешественник, который пожелал бы ознакомиться с сочинением во всем его объеме, как оно вышло из-под пера автора, то я охотно удовлетворю его любопытство.

Дальнейшие подробности, касающиеся автора, читатель найдет на первых страницах этой книги.

Ричард Симпсон

I hope you will be ready to own publicly, whenever you shall be called to it, that by your great and frequent urgency you prevailed on me to publish a very loose and uncorrect account of my travels, with directions to hire some young gentleman of either university to put them in order, and correct the style, as my cousin Dampier did, by my advice, in his book called “A Voyage round the world.” But I do not remember I gave you power to consent that any thing should be omitted, and much less that any thing should be inserted; therefore, as to the latter, I do here renounce every thing of that kind; particularly a paragraph about her majesty Queen Anne, of most pious and glorious memory; although I did reverence and esteem her more than any of human species. But you, or your interpolator, ought to have considered, that it was not my inclination, so was it not decent to praise any animal of our composition before my master Houyhnhm: And besides, the fact was altogether false; for to my knowledge, being in England during some part of her majesty’s reign, she did govern by a chief minister; nay even by two

Вы не откажетесь, надеюсь, признать публично, когда бы Вам это ни предложили, что своими настойчивыми и частыми просьбами Вы убедили меня опубликовать очень небрежный и неточный рассказ о моих путешествиях, посоветовав нанять нескольких молодых людей из которого-нибудь университета для приведения моей рукописи в порядок и исправления слога, как поступил, по моему совету, мой родственник Демпиер со своей книгой «Путешествие вокруг света». Но я не помню, чтобы предоставил Вам право соглашаться на какие-либо пропуски и тем менее на какие-либо вставки. Поэтому, что касается последних, то настоящим заявлением я отказываюсь от них совершенно; особенно от вставки, касающейся блаженной и славной памяти ее величества покойной королевы Анны, хотя я уважал и ценил ее больше, чем всякого другого представителя человеческой породы. Ведь Вы, или тот, кто это сделал, должны были принять во внимание, что мне несвойственно, да и было неприлично, хвалить какое-либо животное нашей породы перед моим хозяином гуигнгномом. Кроме того, самый факт совершенно неверен: насколько мне известно (в царствование ее величества я жил неко-

successively, the first whereof was the lord of Godolphin, and the second the lord of Oxford; so that you have made me say the thing that was not. Likewise in the account of the academy of projectors, and several passages of my discourse to my master Houyhnhnm, you have either omitted some material circumstances, or minced or changed them in such a manner, that I do hardly know my own work. When I formerly hinted to you something of this in a letter, you were pleased to answer that you were afraid of giving offence; that people in power were very watchful over the press, and apt not only to interpret, but to punish every thing which looked like an innuendo (as I think you call it). But, pray how could that which I spoke so many years ago, and at about five thousand leagues distance, in another reign, be applied to any of the Yahoos, who now are said to govern the herd; especially at a time when I little thought, or feared, the unhappiness of living under them? Have not I the most reason to complain, when I see these very Yahoos carried by Houyhnhnms in a vehicle, as if they were brutes, and those the rational creatures? And indeed to avoid so monstrous and detestable a sight was one principal motive of my retirement hither.

Thus much I thought proper to tell you in relation to yourself, and to the trust I reposed in you.

торое время в Англии), она управляла при посредстве первого министра, даже двух последовательно: сначала первым министром был лорд Годольфин, а затем лорд Оксфорд. Таким образом, Вы заставили меня говорить то, чего не было. Точно так же в рассказе об Академии Проекторов и в некоторых частях моей речи к моему хозяину гуигнгму Вы либо опустили некоторые существенные обстоятельства, либо смягчили и изменили их таким образом, что я с трудом узнаю собственное произведение. Когда же я намекнул Вам об этом в одном из своих прежних писем, то Вам угодно было ответить, что Вы боялись нанести оскорбление; что власть имущие весьма зорко следят за прессой и готовы не только истолковать по-своему все, что кажется им намеком (так, помнится, выразились Вы), но даже подвергнуть за это наказанию. Но позвольте, каким образом то, что я говорил столько лет тому назад на расстоянии пяти тысяч миль отсюда, в другом государстве, можно отнести к кому-либо из йеху, управляющих теперь, как говорят, нашим стадом; особенно в то время, когда я совсем не думал и не опасался, что мне выпадет несчастье жить под их властью? Разве недостаточно у меня оснований сокрушаться при виде того, как эти самые йеху разъезжают на гуигнгмах, как если бы они были разумными существами, а гуигнгмы – бессмысленными тварями? И в самом деле, главною причиною моего удаления сюда было желание избежать столь чудовищного и омерзительного зрелища.

Вот что почел я своим долгом сказать Вам о Вашем поступке и о доверии, оказанном мною Вам.

I do, in the next place, complain of my own great want of judgment, in being prevailed upon by the entreaties and false reasoning of you and some others, very much against my own opinion, to suffer my travels to be published. Pray bring to your mind how often I desired you to consider, when you insisted on the motive of public good, that the *Yahoos* were a species of animals utterly incapable of amendment by precept or example: and so it has proved; for, instead of seeing a full stop put to all abuses and corruptions, at least in this little island, as I had reason to expect; behold, after above six months warning, I cannot learn that my book has produced one single effect according to my intentions. I desired you would let me know, by a letter, when party and faction were extinguished; judges learned and upright; pleaders honest and modest, with some tincture of common sense, and Smithfield blazing with pyramids of law books; the young nobility's education entirely changed; the physicians banished; the female *Yahoos* abounding in virtue, honour, truth, and good sense; courts and levees of great ministers thoroughly weeded and swept; wit, merit, and learning rewarded; all disgracers of the press in prose and verse condemned to eat nothing but their own cotton, and quench their thirst with their own ink. These, and a thousand other reformatations, I firmly counted upon by your encouragement; as indeed they were plainly deducible from the precepts delivered in my book. And it must be owned, that sev-

Затем мне приходится пожалеть о собственной большой оплошности, выразившейся в том, что я поддался просьбам и неосновательным доводам как Вашим, так и других лиц, и, вопреки собственному убеждению, согласился на издание моих «Путешествий». Благоволите вспомнить, сколько раз просил я Вас, когда Вы настаивали на издании «Путешествий» в интересах общественного блага, принять во внимание, что *йеху* представляют породу животных, совершенно неспособных к исправлению путем наставлений или примеров. Ведь так и вышло. Уже шесть месяцев, как книга моя служит предостережением, а я не только не вижу, чтобы она положила конец всевозможным злоупотреблениям и порокам, – по крайней мере, на нашем маленьком острове, как я имел основание ожидать, – но и не слышал, чтобы она произвела хотя бы одно действие, соответствующее моим намерениям. Я просил Вас известить меня письмом, когда прекратятся партийные распри и интриги; судьи станут просвещенными и справедливыми; стряпчие – честными, умеренными и приобретут хоть капельку здравого смысла; Смитсфильд озарится пламенем пирамид собрания законов; в корне изменится система воспитания знатной молодежи; будут изгнаны врачи; самки *йеху* украсятся добродетелью, честью, правдивостью и здравым смыслом; будут основательно вычищены и выметены дворцы и министерские приемные; вознаграждены ум, заслуги и знание; все, позорящие печатное слово в прозе или в стихах, осуждены на то, чтобы питаться только бумагой и утолять жажду черни-

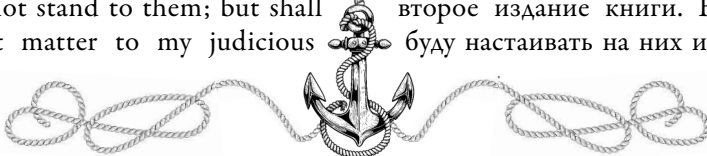
en months were a sufficient time to correct every vice and folly to which *Yahoos* are subject, if their natures had been capable of the least disposition to virtue or wisdom. Yet, so far have you been from answering my expectation in any of your letters; that on the contrary you are loading our carrier every week with libels, and keys, and reflections, and memoirs, and second parts; wherein I see myself accused of reflecting upon great state folk; of degrading human nature (for so they have still the confidence to style it), and of abusing the female sex. I find likewise that the writers of those bundles are not agreed among themselves; for some of them will not allow me to be the author of my own travels; and others make me author of books to which I am wholly a stranger.

I find likewise that your printer has been so careless as to confound the times, and mistake the dates, of my several voyages and returns; neither assigning the true year, nor the true month, nor day of the month: and I hear the original manuscript is all destroyed since the publication of my book; neither have I any copy left: however, I have sent you some corrections, which you may insert, if ever there should be a second edition: and yet I cannot stand to them; but shall leave that matter to my judicious

лами. На эти и на тысячу других преобразований я твердо рассчитывал, слушая Ваши уговоры; ведь они прямо вытекали из наставлений, преподанных в моей книге. И должно признать, что семь месяцев – достаточный срок, чтобы избавиться от всех пороков и безрассудств, которым подвержены *йеху*, если бы только они имели малейшее расположение к добродетели и мудрости. Однако на эти ожидания не было никакого ответа в Ваших письмах; напротив, каждую неделю Вы обременяли нашего разносчика писем пасквилями, ключами, размышлениями, замечаниями и вторыми частями; из них я вижу, что меня обвиняют в поношении сановников, в унижении человеческой природы (ибо у авторов хватает еще дерзости величать ее так) и в оскорблении женского пола. При этом я нахожу, что сочинители этого хлама даже не столкнувались между собой: одни из них не желают признавать меня автором моих «*Путешествий*», другие же приписывают мне книги, к которым я совершенно непричастен.

Далее, я обращаю внимание на крайнюю небрежность Вашего типографа, допустившего большую путаницу в хронологии и ошибки в датах моих путешествий и возвращений и нигде не проставившего правильно ни год, ни месяц, ни число. Между тем я слышал, что оригинал совершенно уничтожен по отпечатании книги, а копии у меня не осталось. Тем не менее я посылаю Вам несколько исправлений, которыми Вы можете воспользоваться, если когда-либо понадобится второе издание книги. Впрочем, я не буду настаивать на них и отдаю вопрос

and candid readers to adjust it as they please.

I hear some of our sea *Yahoos* find fault with my sea-language, as not proper in many parts, nor now in use. I cannot help it. In my first voyages, while I was young, I was instructed by the oldest mariners, and learned to speak as they did. But I have since found that the sea *Yahoos* are apt, like the land ones, to become new-fangled in their words, which the latter change every year; insomuch, as I remember upon each return to my own country their old dialect was so altered, that I could hardly understand the new. And I observe, when any *Yahoo* comes from London out of curiosity to visit me at my house, we neither of us are able to deliver our conceptions in a manner intelligible to the other.

If the censure of the *Yahoos* could any way affect me, I should have great reason to complain, that some of them are so bold as to think my book of travels a mere fiction out of mine own brain, and have gone so far as to drop hints, that the *Houyhnhnms* and *Yahoos* have no more existence than the inhabitants of Utopia.

Indeed I must confess, that as to the people of *Lilliput*, *Brobdingrag* (for so the word should have been spelt, and not erroneously *Brobdingnag*), and *Laputa*, I have never yet heard of any *Yahoo* so presumptuous as to dispute

на суд рассудительных и беспристрастных читателей; пусть они поступают, как им угодно.

Слышал я, что некоторые из наших *йеху*-моряков находят ошибки в моем морском языке, считая его во многих случаях неправильным и в настоящее время устаревшим. Ничего не могу поделать. Во время моих первых путешествий, когда я был молод, я прошел выучку у старшего поколения моряков и усвоил их язык. Но впоследствии я убедился, что морские *йеху* так же склонны выдумывать новые слова, как и сухопутные *йеху*, которые чуть ли не ежегодно настолько меняют свой язык, что при каждом возвращении на родину я, помнится, находил большие перемены в прежнем диалекте и едва мог понимать его. Равным образом, когда какой-нибудь *йеху* любопытства ради приезжает ко мне из Лондона, я замечаю, что мы не способны излагать друг другу наши мысли в выражениях, понятных для нас обоих.

Если бы суждения *йеху* способны были сколько-нибудь задевать меня, то я имел бы достаточно оснований жаловаться на дерзость некоторых моих критиков, полагающих, что книга моя представляет только плод моей фантазии, и даже позволяющих себе высказывать предположение, будто *гуигнгнмы* и *йеху* обладают не большей реальностью, чем обитатели Утопии.

Правда, что касается *ллипутов*, *бробдингрежцев* (ибо следует произносить *Бробдингрег*, а не *Бробдингег*, как ошибочно напечатано) и *лапутян*, то я должен признаться, что мне еще не приходилось встречать ни одного *йеху*, как бы он ни

their being, or the facts I have related concerning them; because the truth immediately strikes every reader with conviction. And is there less probability in my account of the *Houyhnhnms* or *Yahoos*, when it is manifest as to the latter, there are so many thousands even in this country, who only differ from their brother brutes in *Houyhnhnmland*, because they use a sort of jabber, and do not go naked? I wrote for their amendment, and not their approbation. The united praise of the whole race would be of less consequence to me, than the neighing of those two degenerate *Houyhnhnms* I keep in my stable; because from these, degenerate as they are, I still improve in some virtues without any mixture of vice.

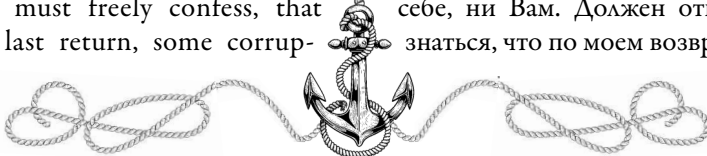
Do these miserable animals presume to think, that I am so degenerated as to defend my veracity? *Yahoo* as I am, it is well known through all *Houyhnhnmland*, that, by the instructions and example of my illustrious master, I was able in the compass of two years (although I confess with the utmost difficulty) to remove that infernal habit of lying, shuffling, deceiving, and equivocating, so deeply rooted in the very souls of all my species; especially the Europeans.

I have other complaints to make upon this vexatious occasion; but I forbear troubling myself or you any further. I must freely confess, that since my last return, some corrup-

был самоуверен, который решился бы отрицать их существование или оспаривать факты, рассказанные мной относительно этих народов, ибо истина тут настолько очевидна, что сразу же убеждает всякого читателя. Неужели же мой рассказ о *гуиэгннмах* и *йеху* менее правдоподобен? Ведь что касается *йеху*, то очевидно, что даже в нашем отечестве их существуют тысячи, и они отличаются от своих диких братьев из *Гуиэгннмиши* только тем, что обладают способностью к бессвязному лепету и не ходят голыми. Я писал с целью их исправления, а не с тем, чтобы получить их одобрение. Единодушные похвалы всей их породы значили бы для меня меньше, чем ржание тех двух выродившихся *гуиэгннмов*, которых я держу у себя на конюшне; как они ни выродились, я не нахожу в них никаких пороков и могу еще кое-что позаимствовать у них по части добродетели.

Уж не дурзуют ли эти жалкие животные думать, будто я настолько пал, что выступаю на защиту своей правдивости? Хотя я и *йеху*, но во всей *Гуиэгннмиши* отлично известно, что благодаря наставлениям и примеру моего досточтимого хозяина я в течение двух лет оказался способным (хоть это и стоило мне огромного труда) отделаться от адской привычки лгать, лукавить, обманывать и кривить душой – привычки, которая так глубоко коренится в самом естестве всей нашей породы, особенно у европейцев.

Я мог бы высказать еще и другие жалобы по поводу этого досадного обстоятельства, но не хочу больше докучать ни себе, ни Вам. Должен откровенно признаться, что по моем возвращении из по-

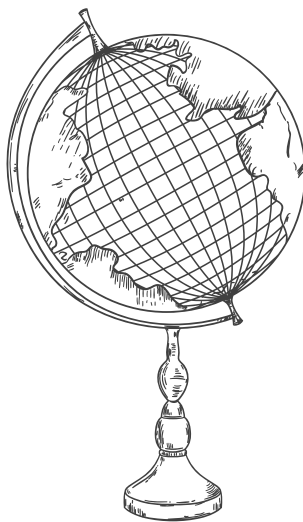

tions of my *Yahoo* nature have revived in me by conversing with a few of your species, and particularly those of my own family, by an unavoidable necessity; else I should never have attempted so absurd a project as that of reforming the *Yahoo* race in this kingdom; but I have now done with all such visionary schemes for ever.

April 2, 1727

следнего путешествия некоторые пороки, свойственные моей натуре *йеху*, ожили во мне благодаря совершенно неизбежному для меня общению с немногими представителями Вашей породы, особенно с членами моей семьи. Иначе я бы никогда не предпринял нелепой затеи реформировать породу *йеху* в нашем королевстве. Но теперь я навсегда покончил с этими химерическими планами.

2 апреля 1727 года

LILLIPUT
and
Blefuscu

Hogs I
P. Mintagn
I. Good Fortune
I Nassow
Sunda
Sillabar
Straits of Sunda

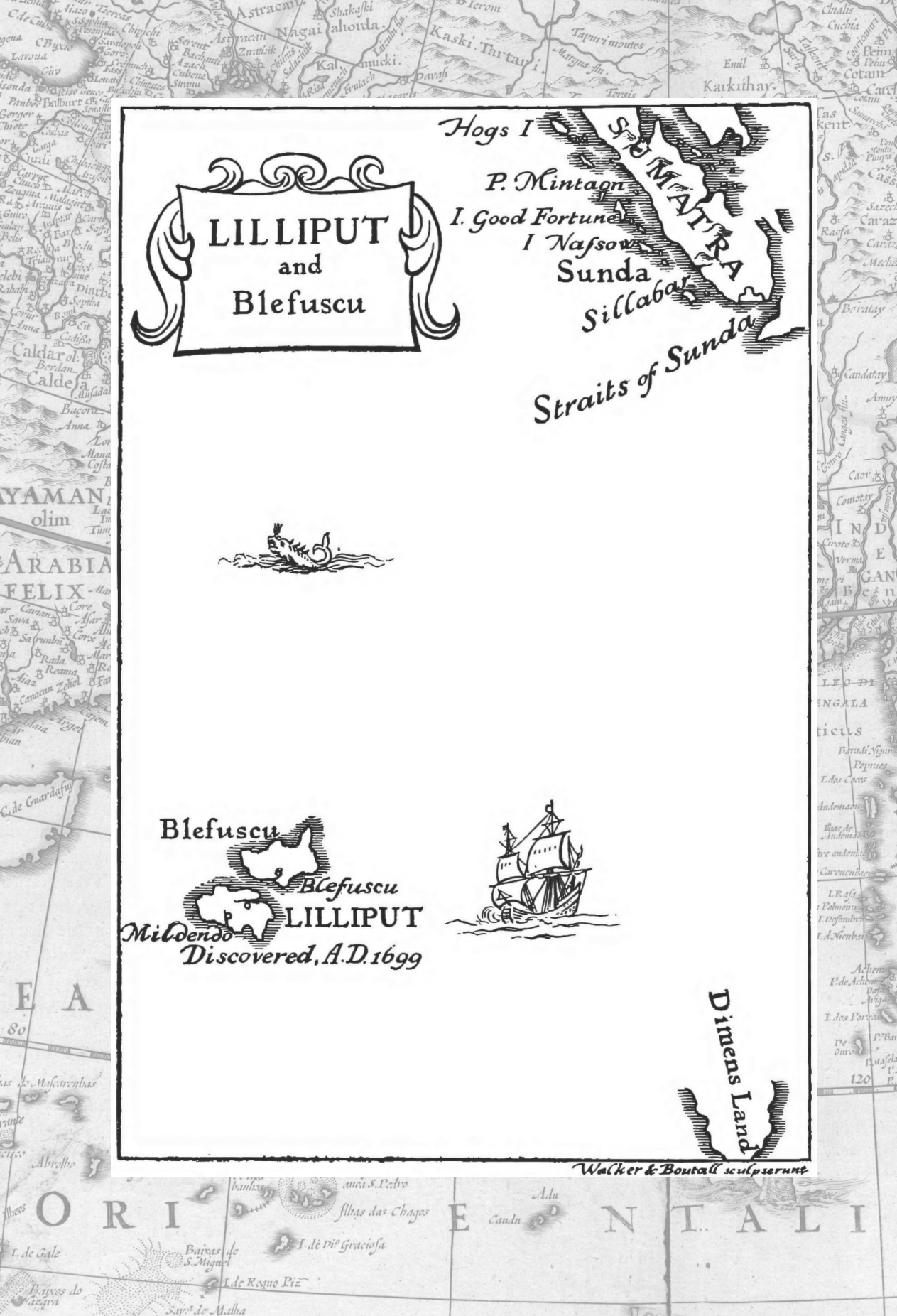
Blefuscu

Blefuscu
LILLIPUT
Mildendo
Discovered, A.D. 1699

Dimens Land

Walker & Boutall sculpserrunt

CHAPTER I

THE AUTHOR GIVES SOME ACCOUNT OF HIMSELF AND FAMILY. HIS FIRST INDUCEMENTS TO TRAVEL. HE IS SHIPWRECKED, AND SWIMS FOR HIS LIFE, GETS SAFE ON SHORE IN THE COUNTRY OF LILLIPUT; IS MADE A PRISONER, AND CARRIED UP THE COUNTRY.

ГЛАВА I

АВТОР СООБЩАЕТ КОЕ-КАКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕБЕ И О СВОЕМ СЕМЕЙСТВЕ. ПЕРВЫЕ ПОБУЖДЕНИЯ К ПУТЕШЕСТВИЯМ. ОН ТЕРПИТ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ, СПАСАЕТСЯ ВПЛАВЬ И БЛАГОПОЛУЧНО ДОСТИГАЕТ БЕРЕГА СТРАНЫ ЛИЛИПУТОВ. ЕГО БЕРУТ В ПЛЕН И УВОЗЯТ ВНУТРЬ СТРАНЫ.

My father had a small estate in Nottinghamshire; I was the third of five sons. He sent me to Emanuel College in Cambridge at fourteen years old, where I resided three years, and applied myself close to my studies; but the charge of maintaining me, although I had a very scanty allowance, being too great for a narrow fortune, I was bound apprentice to Mr. James Bates, an eminent surgeon in London, with whom I continued four years. My father now and then sending me small sums of money, I laid them out in learning navigation, and other parts of the mathematics, useful to those who intend to travel, as I always believed it would be, some time or other, my fortune to do. When I left Mr. Bates, I went down to my father: where, by the assistance of him and my uncle John,

Mой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третий из его пяти сыновей. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, он послал меня в колледж Эмануила в Кембридже, где я пробыл три года, прилежно отдаваясь своим занятиям; однако издержки на мое содержание (хотя я получал очень скудное довольствие) были непосильны для скромного состояния отца, и поэтому меня отдали в учение к мистеру Джеймсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я провел четыре года. Небольшие деньги, присылаемые мне по временам отцом, я тратил на изучение навигации и других отраслей математики, полезных людям, собирающимся путешествовать, так как я всегда думал, что рано или поздно мне выпадет эта доля. Покинув мистера Бетса, я возвратился к отцу и дома раздобыл у него, у дяди Джона

